

Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов

Александр Остин

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов

Александр Остин

1. Введение

Предупреждение конфликтов – это широкая сфера деятельности, в которой используется много различных методик, действующих на различных уровнях и с широким спектром вопросов. В системы раннего предупреждения заложен труд множества действующих лиц (акторов) – от практиков на местах до ученых, занимающихся компьютерным моделированием. Я уверен, что большинство людей признает важность раннего предупреждения конфликтов накопления и, что еще более важно, использования знаний, которые способствовали бы смягчению конфликтов. В этом смысле раннее предупреждение конфликтов представляет собой бесспорную необходимость. Конфликты необходимо активно предотвращать, и первый шаг к этому – прогноз того, когда, где и почему тот или иной конфликт может возникнуть. Таким же образом начинается решение любой проблемы: необходимо выяснить, в чем она заключается и каковы ее причины, что нужно сделать для ее решения и сколько есть на это времени. Варианты действий будут неизбежно зависеть от того, как мы понимаем ситуацию. В этом плане раннее предупреждение взаимосвязано с предотвращением кризисов.

Следует различать вопрос о необходимости систем раннего предупреждения и вопрос о том, насколько успешными они могут быть. Однако оба эти вопроса взаимосвязаны, поскольку концепции раннего предупреждения, стоящие за необходимостью, служат одновременно и критериями успеха. В этой статье нами представлен критический обзор способности систем раннего предупреждения эффективно: а) выявлять причины конфликта; б) прогнозировать его начало и, что более важно; в) смягчать интенсивность конфликта.

Я считаю, что если системы раннего предупреждения не содержат механизма ослабления конфликтов, то попытки повысить точность существующих моделей теряют всякий смысл. Поэтому после краткого обзора сферы раннего предупреждения я рассматриваю препятствия и проблемы, с которыми эти системы сталкиваются в попытках снизить интенсивность конфликтов, а затем вопрос о точности в определении причин и предсказании вспышки насилия.

Во втором разделе статьи дан обзор современного положения в сфере раннего предупреждения, включая разные тематические направления, методологии и практические механизмы. В конце второй части эти механизмы обобщены как базовая модель раннего предупреждения. Третий раздел статьи посвящен третьей цели раннего предупреждения (снижение интенсивности) и тем препятствиям, которые возникают при попытках перехода к раннему реагированию. В нем содержится ряд предварительных рекомендаций для ликвидации этого разрыва. Наконец, в четвертой части предпринята попытка оценить, насколько успешно количественные системы раннего предупреждения справляются с первыми двумя целями. В этой оценке я заимствую ряд идей из работы Питера Уинча “Идея общественной науки и ее связь с философией”.

Термин “система раннего предупреждения” (СРП) использован нами для обозначения любой инициативы, сосредоточенной на систематическом сборе и анализе данных и/или выработке рекомендаций, включая оценку риска и обмен информацией, независимо от ее темы или от того, являются ли эти данные количественными, качественными или смешанными. Тэд Гёрр дает следующее различие

между оценкой риска и ранним предупреждением: “Оценка риска основана на систематическом анализе косвенных и промежуточных условий. Раннее предупреждение требует оценки точно в реальном времени тех событий, которые в ситуации высокой напряженности вероятнее всего ускорят или инициируют быструю эскалацию конфликта” (Gurr, 1996. Р. 137). Отталкиваясь от этого определения, под “ранним реагированием” подразумеваются инициативы, осуществляемые на латентной стадии предполагаемого вооруженного конфликта с целью его ограничения, разрешения или трансформации. Термин “механизм” относится к таким компонентам СРП, как сбор, обработка и анализ данных, причем СРП можно называть функциональной только тогда, когда эти компоненты взаимодействуют между собой. Это требование заимствовано из естественных наук и подразумевает всего лишь то, что систему образуют взаимодействующие единицы. Термин “модель” относится к системам, разработанным на теоретическом уровне (например, модель Гёрра “Меньшинства в опасности”), которые отслеживают ситуацию по заранее выбранным индикаторам.

2. Системы раннего предупреждения конфликтов

Системы раннего предупреждения – не новые механизмы. Они существуют с 1950-х годов. За это время разработаны разные методологические подходы для работы по различным вопросам. Современные СРП уходят корнями в два направления деятельности: во-первых, военно-стратегическая разведка, позволяющая предсказать атаку; во-вторых, прогнозирование таких гуманитарных и природных катастроф, как засуха или голод. Примером этого может служить Система гуманитарного раннего предупреждения ООН. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на втором из этих направлений в его широком смысле, включая анализ этнополитического конфликта (см. табл. 1, 2).

Таблица 1: Список сокращений в СРП

AKUF	Рабочее объединение по изучению причин войн (<i>Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung</i>)
BCOW	Поведенческие составляющие войны (Behavioural Correlates of War)
CASCON	Компьютеризированная система анализа конфликтов (Computer Aided System for Analysis of Conflicts)
CEWS	Система раннего предупреждения конфликтов (Conflict Early Warning System)
CEWP	Проект по раннему предупреждению конфликтов (Conflict Early Warning Project)
CHE	Комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации (Complex Humanitarian Emergencies)
COPDAB	Банк данных по конфликтам и миру (Conflict and Peace Data Bank)
EAWARN	Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (Network for Ethnological Monitoring and Early Warning)

Таблица 1 (продолжение)

EEWS	Система раннего предупреждения по электронной почте (E-mail Early Warning System)
EWNET	Сеть раннего предупреждения (Early Warning Network)
EWS	Система раннего предупреждения (Early Warning System)
FAST	Раннее установление напряженности и поиск фактов (<i>Frühanalyse von Spannungen und Tatsachenermittlung</i>)
FEWER	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (Forum on Early Warning and Early Response)
FEWS	Система раннего предупреждения голода (Famine Early Warning System)
FUGI	Модель "Будущее всеобщей взаимозависимости" (Future of Global Interdependence)
GEDS	Система данных по событиям в мире (Global Event Data System)
GIEWS	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (Global Information Early Warning System)
HEWS	Система гуманитарного раннего предупреждения ООН (United Nations Humanitarian Early Warning System)
HURIDOCS	Система информации и документации по правам человека (Human Rights Information and Documentation System)
ICB	Проект "Поведение в периоды кризиса в мире" (International Crisis Behaviour)
ICG	Международная группа по предотвращению кризисов (International Crisis Group)
ICOW	Тематические составляющие войны (Issue Correlates of War)
IDEA	Интегрированные данные для анализа событий (Integrated Data for Event Analysis)
KEDS	Канзасская система данных по событиям (Kansas Event Data System)
KOSIMO	Модель имитации конфликта (Konflikt-Simulations-Modell)
LIVA	Анализ нарушений неприкосновенности жизни (Life Integrity Violations Analysis)
MAR	Меньшинства в опасности (Minorities at Risk)
PANDA	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (Protocol for the Analysis of Nonviolent Direct Action)
PCIA	Оценка воздействия на мир и конфликт (Peace and Conflict Impact Assessment)
PIOOM	Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека (<i>Programma Interdisciplinair Onderzoek Oorzaken Mensenrechtenschendingen</i>)

Таблица 1 (окончание)

QnEWS	Количественные системы раннего предупреждения (Quantitative Early Warning System)
SIPRI	Стокгольмский международный институт по исследованию мира (Stockholm International Peace Research Institute)
TABARI	Текстовый анализ посредством расширенных инструкций по замещению (Textual Analysis by Augmented Replacement Instruction)
TWEED	Проект "Терроризм в Западной Европе: данные по событиям" (Terrorism in West Europe: Event Data Project)
UNDHA	Департамент ООН по гуманитарным вопросам (United Nations Department of Humanitarian Affairs)
USAID	Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development)
WEIS	Исследование взаимодействия между событиями в мире (набор данных по событиям) (World Events Interaction Survey (event data set))

В настоящее время существует значительное число СРП, которые занимаются анализом и прогнозированием в разных сферах, включая угрозу геноцида или терроризма, положение меньшинств, комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации и нарушение прав человека (см. табл. 1, 2).

Таблица 2: Раннее предупреждение – о чем?

Проблема	Проект / организация / орган
Беженцы, взаимозависимость, развитие, нарушения прав человека	Будущее всеобщей взаимозависимости (FUGI)
	Международная Амнистия (Amnesty International)
	Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch)
	Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека (PIOOM)
Этнополитические конфликты	Раннее выявление напряженности и поиск фактов (FAST)
	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (FEWER)
	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)

Таблица 2 (окончание)

Геноцид и политицид	Катализаторы геноцида
	Проект по геноциду и политициду
	Анализ нарушений неприкосновенности жизни
Вооруженный конфликт, военные расходы, производство вооружения	Система данных по событиям в мире
	Проект по недееспособности государств
Голод и запасы продовольствия	Система раннего предупреждения голода (FEWS)
	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (GIEWS)
Успех или неудача попыток предотвратить насильственный межгрупповой конфликт	Система раннего предупреждения конфликтов (CEWS)
Военизированные споры	Корреляты войны
Углубление кризиса и эффективность попыток его урегулировать	Поведение во время кризисов в мире
Телекоммуникации и их связь с конфликтом	Леландская инициатива: Африканский телеметрический проект
Меньшинства	Меньшинства в опасности (MAR)
Прямое политическое действие	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)
Комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации	РелифВеб (Департамент ООН по гуманитарным вопросам) (UNDHA)
Терроризм	Проект "Терроризм в Западной Европе: данные о событиях" (TWEEO)

Термин “раннее предупреждение” часто обозначает такие виды деятельности, которые, строго говоря, и не посвящены собственно раннему предупреждению. Этот термин может включать анализ и мониторинг конфликтов, анализ данных, оценку риска и защиту интересов групп. Некоторые системы работают только в одном секторе (например, “Рабочая группа по причинам войны” занимается анализом конфликтов), другие же охватывают несколько секторов (например, проект “Раннее выявление напряженности и поиск фактов” (FAST) занимается анализом и мониторингом конфликтов, анализом данных, оценкой риска и защитой интересов).

Таблица 3 предлагает упрощенную картину основных тем, которые рассматриваются системами раннего предупреждения. Их можно разделить на четыре методологические категории: а) количественные, б) качественные, в) сочетающие количественную и качественную методологию, г) сети (см. табл. 4, в которой приводятся методологии раннего предупреждения).

Таблица 3: Секторы раннего предупреждения

Мониторинг / анализ конфликтов	Анализ данных модели	Оценка риска / раннее предупреждение	Лоббирование	Сетевое взаимодействие
Рабочее объединение по изучению причин войн (AKUF)	Канзасская система данных по событиям (KEDS)	Меньшинства в опасности (MAR)	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)	Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (FEWER)
Модель имитации конфликта (KOSIMO)	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)	Раннее выявление напряженности и поиск фактов (FAST)	Хьюман Райтс Вотч	Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)
Стокгольмский международный институт по исследованию мира (SIPRI)	Катализаторы геноцида	Агентство США по международному развитию (USAID)		Система информации и документации по правам человека (HURIDOCS)
Тематические составляющие войны (ICOW)	Исследование взаимодействия между событиями в мире (WEIS)	Система раннего предупреждения голода (FEWS)		Система гуманитарного раннего предупреждения ООН (HEWS)
UPSALLA	Проект по недееспособности государств	Система раннего предупреждения по данным со всего мира (GIEWS)		Сеть раннего предупреждения (EUNET)
Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека (PIOOM)	Проект по катализаторам	Система раннего предупреждения по электронной почте (EEWS)		Межгазетная служба наблюдения за конфликтами

Таблица 3 (окончание)

Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)	Система данных по событиям в мире (GEDS)	Модель "Будущее всеобщей взаимозависимости" (FUGI)		
Хьюман Райтс Вотч	Канзасская система данных по событиям (KEDS)	Международная группа по предотвращению кризисов (ICG)		
	Протокол анализа прямых ненасильственных действий (PANDA)			

2.1. Качественное раннее предупреждение

Системы качественного раннего предупреждения ассоциируются с группой организаций-«наблюдателей» (*Adelman*, 1996. Р. 47), таких как, Human Rights watch, Международная Амнистия и Международная группа по предотвращению кризисов. Эта группа осуществляет мониторинговые и исследовательские проекты силами местных аналитиков и специальных представителей в регионе. Их рекомендации ложатся в основу стратегии лоббирования основных лиц, принимающих решение, и политиков.

Пример 1: Международная группа по предотвращению кризисов (МГПК)

Сильной стороной МГПК является ее внутренняя структура, формой напоминающая песочные часы, где верхний конус формируют влиятельные лица самого высокого уровня, а нижний – аналитики, которые на протяжении длительного срока работают в целевых регионах МГПК, в числе которых – Центральная Азия, Африка, Южная Америка (в частности, Колумбия) и Балканский полуостров. На основе анализа самых последних данных с мест они разрабатывают доклады о развитии ситуации и направляют их в головные офисы организации в Брюсселе, Париже и Вашингтоне. Там эти доклады обрабатываются и рассылаются 40 членам Совета директоров, в числе которых такие влиятельные лица, как бывшие премьер-министры, министры иностранных дел и советники из разных стран. Затем они лоббируют эти рекомендации среди ключевых политических деятелей. Доклады предлагают конкретные рекомендации по каждой из ситуаций, а также возможные сценарии развития событий, учитывая их последствия, а не абстрактные призывы что-то сделать. МГПК представляет собой одну из немногих организаций, которая путем передачи информации с мест влиятельным лидерам высшего уровня преодолевает разрыв между микро- и макроуровнями. Она служит трибуной для местных акторов, позволяя им не только высказаться, но и быть услышанными. Работу с высокопоставленными должностными лицами дополняют встречи по обсуждению политических стратегий в головных и региональных офисах организации, часто с участием самих аналитиков. Чтобы

максимально распространить свои материалы, МГПР активно сотрудничает со СМИ; сами СМИ нередко становятся предметом исследования МГПР, если они своей необъективностью рискуют усугубить ситуацию. Таким образом, МГПК представляет собой систему, которая может успешно ликвидировать разрыв между ранним предупреждением и ранним реагированием.

2.2. Количественное раннее предупреждение

Наибольшее развитие количественных систем раннего предупреждения (КСРП) пришлось на 1960–1970-е годы и проявилось в виде кодирования данных по событиям. Пользующиеся значительным государственным финансированием КРСРП стремились создать теоретические модели, объясняющие те или иные политические действия. Среди наиболее известных моделей – *Исследование взаимодействия между событиями в мире*, предложенное Чарльзом МакКлелландом в 1976 г., и *Банк данных по конфликтам и миру*, инициированный Эдвардом Азаром в 1982 г. К середине 1980-х годов внимание к КРСРП ослабло, поскольку эти проекты требовали огромных затрат времени и ресурсов. Но в 1990-х они пережили второй бум, объяснявшийся рядом политических и технологических факторов, – это устранение железного занавеса, улучшение компьютерных технологий и появление такого нового источника информации, как Интернет.

Методология КСРП предполагает систематический сбор и обработку эмпирических данных по заданному набору критериев. Основная задача количественного анализа – “...выделить факторы, подталкивающие к войне или повышающие ее вероятность..., а также установить прямую связь между ними и началом войны” (*Conrad, Schlichte*, 2000. Р. 4). Опираясь на эмпирические данные, исследователи выявляют те структуры, события и процессы, которые привели к вспышке насилия.

Если взять за основу типологию Тэда Гёрра (*Gurr*, 1996), среди КСРП можно выделить 5 основных моделей: структурные, ускорения, порога, фактора стечения обстоятельств и модели реагирования.

2.2.1. Структурные модели

Структурные модели (иногда их называют причинно-следственными моделями или оценкой риска) имеют целью определить структурный контекст и условия, в которых обычно начинаются конфликты с применением насилия. Используя набор заранее выбранных индикаторов, эти модели анализируют причинно-следственные связи между данными индикаторами и их величинами с одной стороны и объектом исследования – с другой, будь то несостоятельность государства или риск для меньшинств. Значение индикаторов определяется на основе исходных данных, т.е. данных по предыдущим конфликтам. Результаты проверяются на прошлых конфликтах, что позволяет выявить скопление индикаторов. Если использовать аналогию с разбившимся стеклом, то для выяснения, почему оно разбилось, структурные модели изучают такой показатель, как степень его хрупкости.

Пример 2: Модель “Меньшинства в опасности”

Проект “Меньшинства в опасности” опирается на гипотезу, что в будущем вспышки насильственного конфликта будут провоцироваться скорее всего теми группами, которые находятся в наибольшей опасности. С 1993 г. по настоящее время было реализовано 4 фазы проекта. Изначально проект выявил 227 таких групп, в настоящее время их число возросло до 285¹. Меньшинство определяется как “группа, в стране проживания которой население насчитывает минимум 500 тыс. чел., а сама группа составляет более 100 тыс. чел. (а если меньше, то по крайней мере 1% населения страны)”. Условия, при которых группа скорее всего станет подстрекать к насильственному восстанию, включают коллективную мотивацию, способность проводить совместные действия и внешнюю оппозицию.

Коллективная мотивация равнозначна осознанию членами группы, что они подвергаются дискриминации или имеют иные основания для недовольства, например, возникшие на почве: а) утраченной политической автономии, и б) текущей политической, экономической и культурной дискриминации (в частности в 1990-х годах).

Способность группы проводить совместные действия базируется на чувстве общей идентичности, которое в свою очередь непосредственно зависит от того, насколько данное меньшинство отличается от остального населения (host group). К этой категории относится также вопрос, существует ли у данной группы политическая организация.

Возможности, которыми группа располагает для коллективных действий, зависят от ряда факторов, среди которых наиболее важными являются: а) время, прошедшее после последнего значительного изменения в политической структуре, и б) оказываемая извне материальная или моральная поддержка.

В данном проекте мир подразделяется на шесть геополитических регионов: (1) западные демократические государства и Япония, (2) Восточная Европа и бывший Советский Союз, (3) Азия и Тихоокеанский регион, (4) Северная Африка и Ближний Восток, (5) Африка южнее Сахары и (6) Латинская Америка и Карибский регион.

Выше были перечислены критерии, по которым та или иная группа была включена в проект, однако, как и везде, здесь есть свои пограничные случаи и вопросы, требующие осторожности. Дискриминация групп и предубеждения включаются в данный проект только в том случае, если они проявляются по отношению и к другим группам в стране. Так, лишение избирательного права актуально только тогда, когда есть другие группы, которые этим правом обладают. Индикаторы при этом сосредоточены на определении статуса и условий проживания данной группы в соотношении с другими группами, а не на абсолютных ее показателях. Кроме того, дискриминация или неблагоприятное положение группы должны быть каким-то образом связаны с групповой идентичностью. Более того, если группа мобилизована, то мобилизация должна происходить вокруг проблем, которые отличают ее от других групп в стране. Мобилизация как часть неэтнической кампании (например, идеологической) в этом проекте не рассматривается.

Источник: веб-сайт проекта “Меньшинства в опасности”

<http://www.bsos.umd.edu/inscr/mar/>

¹ Состояние на май 2004 г.

2.2.2. Модели ускорения

Модели ускорения иногда называют также последовательными или процессуальными моделями. Их цель – выявление пусковых механизмов и процессов, которые предшествуют конфликту и провоцируют его. Барбара Харфф считает, что “...перед началом геноцида или политцида можно наблюдать некое скопление событий” (Harff, 1998. Р. 71). Если отследить эти события в ретроспективе, то можно восстановить хронологию начала того или иного конфликта. Данная модель берет за основу методологию оценки риска и дополняет ее временными рамками. Это позволяет выявлять последовательность событий, которые превращают ситуацию высокой напряженности в открытый конфликт. По упомянутой аналогии с разбитым стеклом: исследователи уже знают, что стекло хрупкое, и на основе этого делают вывод, что, если через него будет проходить траектория камня, оно разобьется. Примером модели ускорения может служить *Система данных по событиям в мире*.

2.2.3. Модели порога

Модели порога основаны на анализе данных о событиях. Хотя и они не преследуют цель выявить причины конфликта или происходящие в нем процессы, эти модели все же пытаются установить закономерности и сходства в разных конфликтах.

Пример 3: Данные о событиях и их кодирование

Событие – это просто некоторое действие. Примером может служить следующее сообщение: “23 июля 1990 г. иракские газеты обвинили министра иностранных дел Кувейта в том, что он – агент США”. Подобные данные можно получить из таких служб, как LEXIS/NEXIS, которые посредством специальных программ обрабатывают и архивируют сообщения информационных агентств. Используя булевые (логические) выражения, программа может отобрать нужные данные. Например, ученый П. Шродт, проводя исследование по странам Леванта (страны на восточном побережье Средиземного моря. – *Прим. переводчика*) в 1979–1995 гг., задал поиск по следующим ключевым словам: Израиль, Иордан, Египет, Ливан, Сирия, Палестина, Кувейт, Ирак и Палестинская организация освобождения. Программа нашла порядка 100 тыс. сообщений о событиях, из которых около 50% имели отношение к его исследованию.

После загрузки сообщения преобразуются в читаемые компьютером тексты, например “900723 IRQ KUW 122”, т.е. дата (1990 г., июль, 23-е число), Ирак, Кувейт, обличение (код 122). Существует несколько моделей кодирования, включая те, которые используются в проектах “Поведенческие корреляты войны” (BCOW), “Банк данных по конфликтам и миру” (COPDAB), “Интегрированные данные для анализа событий” (IDEA) и “Исследование взаимодействия между событиями в мире” (WEIS). Система WEIS использует 22 опорных кода, подразделенных на 223 вторичных кода, т.е. каждая из 22 групп содержит ряд обозначений действий, например: “обвинение” (опорный код 12) содержит такую вариацию, как “обличение” (вторичный код 122). Каждому коду присваивается определенная величина, например по шкале Гольдштейна. Так вышеупомянутый код 122 (обличение) имеет негативную величину –3.4, в то время как вторичный код 071 (внешняя экономическая помощь в обмен на определенный подарок и/или

принятую на себя ответственность) из опорного кода 7 (вознаграждение) имеет позитивную величину +7.4. Благодаря недавним усовершенствованиям в области скорости и точности “Канзасская система данных по событиям” (KEDS) теперь кодирует до 45 событий в секунду. Вторая система, “Текстовый анализ посредством расширенных инструкций по замещению” (TABARI), в зависимости от мощности используемого компьютера кодирует до 3 тыс. событий в секунду. Преимущества этих систем становятся очевидными, если сравнить это с ручным кодированием – 40 событий на человека в день. Проверка точности показала, что KEDS правильно закодировал 91% сообщений Рейтерс.

Данные по событиям могут использоваться в разных видах анализа: дедуктивно или индуктивно в факторном анализе, в анализе распознавания образов, в методе кластеризации, в подсчете событий (в противоположность градуированию данных), в кластеризации по переменной времени или же в кластеризации по альтернативным матрицам (*Schrodt, Garner, 1998*).

Практически все кодирование данных по событиям в наши дни автоматизировано. Шродт (*Schrodt, 2001*) выделяет основные преимущества автоматизации: низкие затраты, совместное пользование программным обеспечением, низкий процент погрешностей и наконец, возможность экспериментировать с параметрами кодирования. Поскольку не требуется присваивать код вручную, единственной затратой является покупка источника информации. Что касается погрешностей, они бывают и у людей, и у машин. Например, “...в 1980-е годы даже военные эксперты в кодировании обычно преувеличивали военную мощь Китая, поскольку воспринимали его как мощную коммунистическую державу” (П. Шродт, цитируя Э. Лоранса (*Laurance, 1990*)). Но при этом машинное кодирование допускает последовательные погрешности, в то время как при ручном кодировании пристрастных позиций столько же, сколько кодировщиков. Машинные погрешности имеют дополнительное преимущество: их легко откорректировать, адаптировав параметры и затем заново запустив программу. Например, в исследовании П. Шродта по странам Леванта суженный поиск занял около 3 часов.

Каковы преимущества использования данных по событиям, и как можно применить их анализ в раннем предупреждении конфликтов? По утверждению П. Шродта, кодирование поставляет материал для “...сферы исследований, которая имеет избыток теорий, но страдает от недостатка данных ...”, что помогает удовлетворить “...потребность в систематическом изучении альтернативных теорий, объясняющих тот или иной тип поведения” (*Schrodt, 2001*). Когда эти данные применяются в раннем предупреждении, предполагается, что они будут показывать некое скопление событий, предшествующее переходу к фазе открытого конфликта. Фазы и стадии конфликта заложены в соответствующих программах, таких, как “Компьютеризированная система анализа конфликтов” (CASCON) которая выделяет семь стадий конфликта: 1) разногласия, 2) конфликт, 3) военные действия, 4) прекращение военных действий, 5) конфликт после окончания военных действий, 6) разногласия после окончания военных действий, 7) урегулирование. Если вновь обратиться к аналогии с разбившимся стеклом, модели порога не ищут причин того, почему оно разбилось, и не пытаются выяснить, какие события к этому привели, но после рассмотрения множества других ситуаций, когда разбивалось стекло, выявляют последовательность предшествовавших факторов.

2.2.4. Модели стечения обстоятельств

Модели стечения обстоятельств (например модель, разрабатываемая Петером Брекке) все еще находятся на стадии становления и пока не нашли практического применения. Аналогично причинно-следственным моделям, они оперируют заранее отобранными индикаторами, но отличаются тем, что рассматривают не значение индикаторов, а их сочетания и взаимодействие. В решении проблем раннего предупреждения конфликтов эти модели ориентированы на выявление скопления событий на предконфликтной стадии. В аналогии со стеклом, данная модель не останавливается на хрупкости стекла или полете камня, а стремится определить, был ли камень брошен именно на стекло, и оставалось ли оно при этом неподвижным.

2.2.5. Модели реагирования

Подобно моделям порога, модели реагирования направлены не на выявление причин того или иного конфликта, а на определение результатов воздействия и уместности различных вмешательств в него. Основной продукт этой модели – гипотетические сценарии того, что произойдет в ответ на разные сочетания вмешательств.

Пример 4: Анализ нарушений неприкосновенности жизни (LIVA) – “приемлемая” модель

Цель проекта “Анализ нарушений неприкосновенности жизни” состоит в выявлении сигналов и предвестников эскалации насилия, которое может привести к геноциду или политициду. Таким образом, цель этой модели состоит в выявлении связи между уровнем насилия и исходными и промежуточными причинами, а также между нарушениями неприкосновенности жизни и остальными типами нарушений прав человека. Проект ставит также целью превентивное выяснение, насколько эффективно действовали правительства и гуманитарные организации, в том числе их стратегии реагирования на разных уровнях нарушений, а также какова роль кампаний, проводимых НПО против нарушителей разных типов.

Исследователи проблем геноцида Хелен Фейн и Барбара Харфф пришли в целом к общему мнению о том, какие события обычно предшествуют геноциду или политициду. При этом Х. Фейн рассматривает также возможные способы реагирования на критические моменты в ситуации. Индикаторы, разработанные в рамках теоретической модели, должны прогнозировать конфликт, а не объяснять его (т.е. предлагать “приемлемую” модель, а не модель объяснения его причин). Поэтому существующие модели должны проверяться не по индикаторам (как делает Б. Харфф), а по результатам вмешательства или реагирования.

Источник: van de Goor, L &S.: Part 1 Bridging the Gap from Early Warning to Early Response, Netherlands Institute of Internal Relations, Appendix V.

2.3. Системы, сочетающие качественное и количественное раннее предупреждение

Некоторые проекты используют параллельно обе методики (т.е. качественные и количественные методы. – *Примеч. ред.*). Среди них проект “Раннее выявление напряженности и поиск фактов” Швейцарского фонда мира. Он использует 4 источника информации: непрерывный мониторинг ситуации (качественный анализ), анализ

данных по событиям (количественный анализ), сеть экспертов (внешняя экспертиза) и миссии по установлению фактов (полевые исследования). Эти источники ложатся в основу двух профильных результатов проекта: а) характеристику уровня риска в стране (базовые данные, оценка риска, возможные политические курсы и вспомогательная информация); б) регулярные обновления (резюме, оценка риска и вспомогательная информация).

Пример 5: Проект “Раннее выявление напряженности и поиск фактов” (FAST)

1) Обзор уровня риска в стране

- Ежегодные обзоры уровня риска по странам всесторонне оценивают ситуацию в рассматриваемой стране. Они анализируют как исходные, так и непосредственные и промежуточные факторы, которые могут вызвать вооруженный конфликт, препятствующие его разрешению или открывающие возможности для деэскалации конфликта и построения мира.
- Полученные в результате этого анализа ключевые индикаторы заносятся в растр аналитического мониторинга, который используется для каждодневного наблюдения и регулярного обновления.
- Ежегодная оценка включает также ряд других важных компонентов: сценарии потенциального развития событий, детальные стратегии, определяющие общий политический курс, меры по реализации этого курса (в том числе препятствия, стоящие на его пути) и конкретные инициативы и программы.
- Помимо этого, в обзорах приводится список ключевых акторов и общая информация о стране (например, хронология событий, барометр напряженности и политические, экономические, экологические, социально-демографические и военные характеристики страны).

2) Обновления

Ежеквартальные обновления данных о ситуации на местах, выпускаемые проектом, позволяют его клиентам быть в курсе происходящих в стране изменений. Обновления опираются на растр аналитического мониторинга и в основном освещают факторы, которые либо повышают, либо понижают вероятность вооруженного конфликта. Обновления преднамеренно имеют сжатый объем – не более 3 страниц и ограничиваются лишь самой необходимой вспомогательной информацией – краткой хронологией основных событий и барометром напряженности.

Источник: FAST – Early Recognition of Tension and Fact Finding, Swiss Peace Foundation, 2001.

2.4. Сетевые проекты

Хотя в строгом смысле сети не являются формальными системами, они могут сыграть важную роль в выявлении зачатков конфликта. Во многих сетях имеется механизм обмена информацией, выпускаемой как неправительственными организациями, так и межправительственными органами. Существуют разные типы сетей, от Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН) до Системы гуманитарного раннего предупреждения ООН. Подобные сети требуют определенной координации из центра; одно из их преимуществ состоит в том, что требуется меньше затрат, чем в серии полевых исследований. Они предлагают уникальные возможности для наведения мостов между частным и общественным сектором.

Среди таких сетей – Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию (FEWER) в Лондоне, Система информации и документации по правам человека (HURIDOCs) в Женеве и Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) в Москве.

Пример 6: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)

Основные направления деятельности:

- Общение по электронной почте между ведущими специалистами с целью обмена аналитическими данными и их распространения;
- Публикация регулярных отчетов и аналитических статей, которые, опираясь на местную и национальную экспертизу, проводят анализ этнополитической ситуации;
- Разработка модели этнологического мониторинга и раннего предупреждения;
- Выпуск бюллетеней, отчетов и методологических материалов;
- Изучение международного опыта и обновление данных по анализу конфликтов через проведение ежегодных семинаров и поддержания других международных контактов;
- Консультации со специалистами с целью разработать систему урегулирования, включающую процессуальные переговоры по разным вопросам в конфликтных регионах, а также подготовка и осуществление программ в сфере национальной политики.

Источник: Сеть Этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, <http://www.eawarn.ras.ru>

2.5. Заключение

Системы раннего предупреждения могут быть классифицированы в зависимости от используемой ими методологии (см. табл. 4).

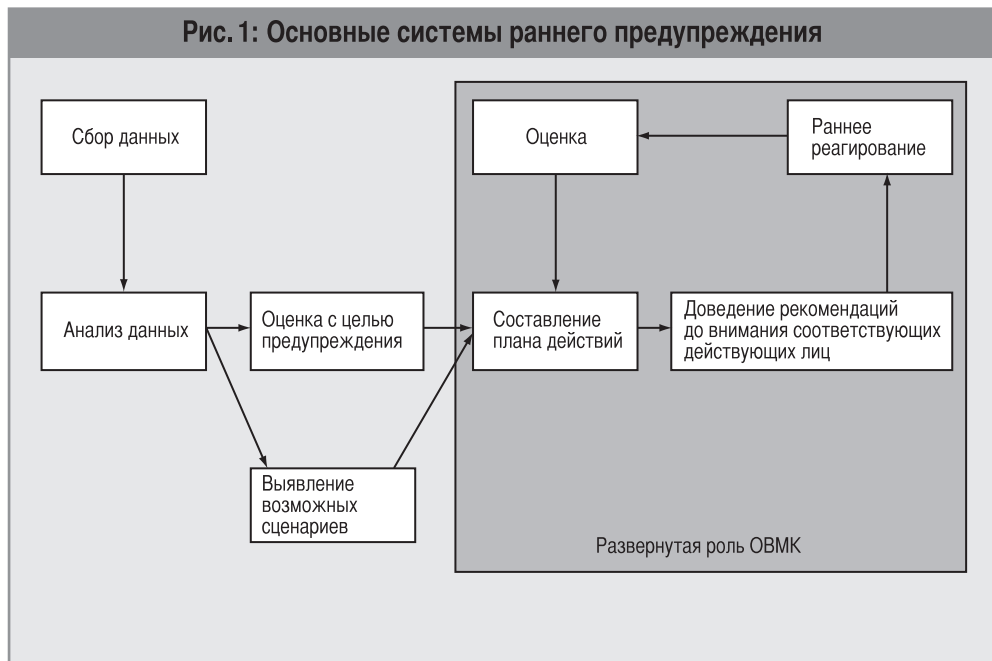
Несмотря на такое разнообразие методологий, я хотел бы сделать несколько общих замечаний относительно механизмов, используемых в системах раннего предупреждения. Для достижения трех основных целей (выявление причин конфликта, прогнозирование его начала и снижение его интенсивности) системы раннего предупреждения должны содержать шесть ключевых механизмов. Для решения первой задачи базовая система должна опираться на следующие систематические виды деятельности: 1) сбор данных (количественных и/или качественных), 2) их анализ, 3) оценка, предупреждающая или выявляющая возможные сценарии для прогнозирования конфликта. Затем для того, чтобы перейти к снижению интенсивности конфликта и преодолению разрыва между ранним предупреждением и ранним реагированием, в рамках базовой модели необходимо: 4) составить план действий, 5) довести рекомендации до внимания соответствующих фигур и 6) оценить эффективность раннего реагирования, что, в свою очередь, должно заложить основу для составления плана дальнейших действий.

Для того, чтобы заработал названный циклический механизм, необходимо обратить внимание на последние тенденции в оценке и мониторинге деятельности по урегулированию конфликтов. Непрерывность цикла (рис. 1) свидетельствует, что предупреждение конфликта не заканчивается на вмешательстве в него. Вмешательство воздействует на конфликт и изменяет его. Поэтому системы раннего предупреждения должны отслеживать эти изменения и корректировать набор ре-

Таблица 4: Методологии раннего предупреждения

Качественные	Количественные	Качественные и количественные	Сети
<ul style="list-style-type: none"> Анализ нарушений неприкосновенности жизни 	<ul style="list-style-type: none"> Меньшинства в опасности 	<ul style="list-style-type: none"> Раннее выявление напряженности и поиск фактов 	<ul style="list-style-type: none"> Система гуманитарного раннего предупреждения ООН
<ul style="list-style-type: none"> Международная группа по предотвращению кризисов 	<ul style="list-style-type: none"> Проект по недееспособности государств 	<ul style="list-style-type: none"> Междисциплинарная исследовательская программа по первопричинам нарушений прав человека 	<ul style="list-style-type: none"> Форум по раннему предупреждению и раннему реагированию
<ul style="list-style-type: none"> Фонд мира (США) 	<ul style="list-style-type: none"> Катализаторы геноцида 		<ul style="list-style-type: none"> Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов
<ul style="list-style-type: none"> Канадская инициатива по поддержанию мира 	<ul style="list-style-type: none"> Проект по раннему предупреждению конфликтов 		<ul style="list-style-type: none"> Система информации и документации по правам человека
<ul style="list-style-type: none"> Хьюман Райтс Вотч 	<ul style="list-style-type: none"> Кластерный анализ 		<ul style="list-style-type: none"> Сеть раннего предупреждения
<ul style="list-style-type: none"> Международная амнистия 	<ul style="list-style-type: none"> Протокол анализа прямых ненасильственных действий Система данных по событиям в мире Канзасская система данных по событиям "Будущее всеобщей взаимозависимости" Исследования взаимодействия между событиями в мире Банк данных по конфликтам и миру 		<ul style="list-style-type: none"> Межгазетная служба наблюдения за конфликтами

Рис. 1: Основные системы раннего предупреждения

комендаций. Остается неясным, где проходит граница между методологиями раннего предупреждения и методологиями оценки, такими, как стандартизированная “оценка воздействия на мир и конфликт” (см. статью М. Хоффмана в настоящем сборнике). Связь между этими двумя сферами пока не привлекала достаточного внимания, однако было бы целесообразно рассмотреть возможность их слияния, при котором раннее предупреждение сводилось бы к анализу конфликтной ситуации, а расширенная система ОБМК (Оценка воздействия на мир и конфликт) выходила бы на фазу рекомендаций в раннем предупреждении, сохраняя при этом ее механизм планирования.

3. Ослабление конфликта и предотвращение кризиса

В этом разделе рассматриваются препятствия, стоящие перед третьей целью систем раннего предупреждения (СРП) – а именно снижением интенсивности конфликта. Одна из основных наших идей заключается в том, что для раннего реагирования недостаточно лишь обеспечить нужный отдел или человека нужной информацией в нужное время. Это демонстрировал конфликт в Заире: на ранней его стадии, несмотря на открытые предупреждения, не было предпринято практически никаких действий (Adelman, 2002). Но проблема состоит не только в том, что предупреждения остаются без внимания: в Руанде, даже после того, как конфликт достиг насильственной стадии, реагирование либо запаздывало, либо вообще не происходило. Если нет никакой реакции даже при таких красноречивых сигналах, какие тогда шансы могут быть у раннего предупреждения? Однако есть и противоположные примеры, когда раннее реагирование происходило там, где не было явных предупреждающих сигналов, как в некоторых стра-

нах бывшего Советского Союза, в частности в Эстонии (*Birckenbach, 1999*) и Молдове.

До тех пор, пока не будет улучшена связь между СРП и акторами, осуществляющими вмешательство, существует мало надежд на устранение разрыва между предупреждением и реагированием.

3.1. Факторы, препятствующие переходу от раннего предупреждения к раннему реагированию

Раннее предупреждение оценивается по серьезным и практически недостижимым критериям. Способность СРП снижать интенсивность конфликта опирается на две (причем спорные) предпосылки: а) прежде всего, это вера в то, что конфликт можно ослабить, и б) уверенность в том, что мы знаем, как это сделать. Относительно второй предпосылки следует отметить, что сфера урегулирования конфликтов в настоящее время постепенно перерастает из ранних изысканий в более аналитическую стадию. В частности, в последние два года появился ряд работ, посвященных оптимальной практике и урокам, извлеченным из различных ситуаций и на основе этого оценивающих эффективность разных видов деятельности. Такая работа ведется как на концептуальном, так и на практическом уровне.

Концептуальный уровень представлен рядом недавних пособий по урегулированию конфликтов, таких, как книга Тани Паффенхольц и Люка Рейшлера “Построение мира: руководство для полевой работы”, а также настоящий сборник Бергхофского центра. Эти публикации имеют целью показать современную ситуацию и на основе полевых работ осветить критические проблемы и открытые вопросы. Важно упомянуть и вторую концептуальную тенденцию, которая предшествовала направлению “оптимальной практики”. Начиная с 1950-х годов, существовала небольшая группа ученых, которые постоянно пытались выделить из широкого спектра возможных действий их наиболее оптимальные варианты для той или иной стадии или фазы конфликта. Эти попытки привели к созданию ряда схем под общим названием “сопряженные модели” (*contingency models*), примеры которых представляют работы Р. Фишера и Л. Кишли (*Fischer, Keashley, 1991*) и Э. Бленези (*Blenesi, 1999*). На практическом уровне извлечение уроков и отбор на основе изучения конкретных примеров проводились группой инициатив (*apud anecdotal group*). Они включали проект “Мирный потенциал на местах” организации “Сотрудничество в деятельности по развитию”, а также крупную конференцию на тему “Усовершенствование практики в сфере построения мира”, которую в 2001 г. в г. Состерберг (Нидерланды) провела Европейская платформа по предупреждению и трансформации конфликтов. Конференция ставила целью обобщить примеры как успешного, так и неудавшегося опыта. Однако так и остается неясным, насколько результаты одной ситуации могут быть распространены на более широкий контекст.

Короче говоря, даже если согласиться, что ослабить конфликт в принципе возможно, акторы сферы урегулирования конфликтов по-прежнему стремятся понять, как это можно сделать. Как отметил М. Ланд, “ни у высшего и среднего политического уровня в правительстве США, ни у других действующих лиц не хватает знаний и информации о мировых тенденциях и потенциальных угрозах в период после окончания холодной войны и их истинной цене; политических методов и субъектов, способных ослабить эти угрозы; конкретных стратегий, доказавших свою эффективность; методов осуществления этих стратегий” (*Lund, 1996. P. 28*). Только более точные данные, опирающиеся на извлеченные уроки и “оптимальную практику”,

позволят раннему предупреждению вырабатывать конкретные рекомендации о том, что, когда и кем должно быть сделано.

М. Ланд (*Lund, 1996*) и Г. Адельман (*Adelman, 1996*) обозначили несколько сложных моментов, которые обычно возникают при переходе от раннего предупреждения к раннему реагированию. Они могут касаться роли и мотивации практических деятелей: давление каждодневных забот, борьба между альтруизмом и эгоизмом, путаница, сопровождающая вмешательство, а также ряд других помех. Помехами обычно служат такие обстоятельства, как более срочные дела, например, необходимость скорее влиять на конфликт, уже ставший насильственным, чем на конфликт, который еще не перешел в такую стадию. Они обычно заставляют жертвовать предупреждением конфликта в пользу урегулирования более опасной ситуации.

Необходимо также упомянуть так называемый синдром by-stander свидетеля, которым занимаются представители социальной психологии, в частности Р.М. Левайн. Хотя он и ставит тот же вопрос, что и эксперты по раннему предупреждению: “Почему не последовало никакой реакции?”, пока еще не было попыток приложить результаты его исследований к ситуациям конфликта. Как заявляет Э. Стауб, “в допущении и повторении нарушений прав человека важную роль играют свидетели: отвернувшись или оставшись пассивными в ситуации, когда жизни человека угрожает опасность, они косвенно создают условия для геноцида” (*Staub, 1985*). Так, в 1964 г. в США была изнасилована и убита женщина по имени Китти Дженовиз. Пытаясь объяснить, почему 38 находившихся на месте преступления свидетелей не оказали жертве никакой помощи, социальные психологи стали изучать причины, по которым люди иногда неспособны вмешаться. Хотя результаты этих исследований нельзя применить непосредственно в сфере этнополитических конфликтов, все же имеет смысл их упомянуть, поскольку они могут быть потенциальными сферами исследования.

Анализ ситуаций, когда помощь оказывалась, позволил сделать несколько выводов. Во-первых, помощь чаще оказывается людям из “своего” круга, т.е. тем, кто принадлежит к группе, сходной с группой свидетеля. Во-вторых, вмешательство с целью помочь представителю “чужой” группы более вероятно, если чужая группа находится близко к дому свидетеля, а не на расстоянии. В-третьих, число свидетелей обратно пропорционально вероятности вмешательства: чем больше свидетелей, тем меньше шанс, что кто-то вмешается. Это можно объяснить сдерживающим эффектом зрителей, социальным влиянием и фрагментацией ответственности. И наконец, вероятность вмешательства группы или человека зависит от баланса между затратами и вознаграждением.

Не совсем ясно, будут ли эти результаты полезными для понимания тех комплексных причин, которые стоят за отсутствием вмешательства. Тем не менее, эта тема требует дальнейшего исследования и развития.

3.2. Некоторые предварительные рекомендации

Ликвидировать разрыв между ранним предупреждением и ранним реагированием можно двумя путями:

1. Новые СРП должны разрабатываться исходя из конечных целей; чтобы обеспечить выполнение своих рекомендаций, они должны заручаться поддержкой официальных лиц и, более того, привлекать их к своей работе. Если это не будет обеспечено на ранних стадиях, то вкладывать дополнительные усилия и ресурсы в повышение точности системы не имеет смысла.

2. Системы раннего предупреждения должны сопровождать конкретные механизмы предотвращения конфликта, т.е. служить неким связующим звеном между предупреждением и фактическим реагированием. Они не должны создаваться в изоляции.

Помимо этих двух условий Л. ван де Гоор и С. Верштейген (*Goor, Verstegen, 1999*) предложили ряд методов, позволяющих более эффективно использовать результаты анализа.

Бокс 1: Промежуточные рекомендации

Применение стандартизированного анализа необходимо для следующих целей:

- выявление и ранжирование рабочих вариантов реагирования;
- поиск правильного сочетания краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных проектов;
- поддержание долгосрочной деятельности, а не спонтанных инициатив, рассчитанных на немедленный успех;
- выявление недостатков в существующих стратегиях и методах, их адаптация или разработка новых стратегий.

Необходимо описывать и оценивать ситуации с точки зрения существующих политических и технических возможностей. Анализ должен проводиться таким образом, чтобы его результаты были полезными для вмешательства на политическом уровне. Цель анализа – не только понять и предвосхитить конфликт, но и вмешаться в него:

- *Понимание* требует анализа процессов, происходящих в конфликте, а также характеристик той или иной ситуации (обзоры по странам);
- *Предвосхищение* предполагает отслеживание и анализ динамических процессов, а также критериев оценки риска (анализ тенденций);
- *Вмешательство* предполагает знание того, какими навыками и компетенциями располагает организация, как политические меры соответствуют разным целям и потребностям в конфликте, а также где и когда возможно осуществление вмешательства.

Источник: van de Goor & Verstegen, 1999.

4. Определение причин конфликта и его прогнозирование

В IV разделе рассматриваются способности количественных СРП выполнять первые две цели предупреждения: выявление причин конфликта и прогнозирование его начала. Мой основной аргумент опирается на идеи Питера Уинча, изложенные в его книге “Идея общественной науки” (1958), поскольку я убежден, что многие проблемы, поднятые в общественных науках в 1950-е годы, для количественных систем раннего предупреждения (КСРП) до сих пор актуальны. Современные КСРП и общественные науки того времени затрагивают ряд общих тем, таких, как: а) комплексный характер эмпирических данных, б) установление причинно-следственных связей и в) обобщения на основе эмпирических данных.

4.1. Количественные эмпирические данные – поиск единорога?

Возьмем два вопроса: “Что требуется, чтобы довести воду в сосуде до точки кипения?” и “Сколько обид может вытерпеть человек, прежде чем разразится конфликт?”. По своей эмпирической сложности они не сравнимы. Попытка сопоставить их продемонстрирует лишь неправильное понимание слов “обида” и “терпение”. В первом случае доказательства могут быть собраны благодаря эмпирической наглядности и факты будут определять их однозначное толкование. Во втором случае мы как исследователи должны сами определить, где будет находиться линия порога; в реальной жизни это должно решить для себя и те, кто берет в руки оружие.

Это можно проиллюстрировать современными проблемами в наборах данных по конфликтам. С. Кожнацки и В.-Д. Эбервайн (*Chojnacki, Eberwein, 2001*) в докладе на конференции в Упсале ярко продемонстрировали дилемму, возникающую при попытках сопоставить разные наборы данных. Они ввели запрос отразить все межгосударственные конфликты 1950–1999 гг. в четыре набора данных. Результат оказался поразительным: Модель имитации конфликта (KOSIMO) выдала 19 случаев, в то время как Рабочее объединение по изучению причин войн (AKUF) – 39 случаев. В связи с этим Кожнацки и Эбервайн утверждают, что необходимо собирать эмпирические данные по одному набору по параметрам другого набора и таким образом методологически решить данную дилемму.

Я же убежден в том, что проблема заключается не в недостатке или неточности параметров и, следовательно, не может быть решена посредством обработки эмпирических данных по новым параметрам; проблема заключается в различиях концепций. Еще в 1748 г. Дэвид Юм (*David Hume*) в своей книге “Исследование о человеческом разуме” ссылаясь именно на это: “Напрасно вы претендуете на то, что изучили природу вещей с помощью прошлого опыта: их тайная природа, а следовательно, все их действия и влияния могут измениться без всякой перемены в их чувственных качествах. Это может иногда случиться с некоторыми объектами, отчего же это не может случаться всегда и со всеми объектами? Какая логика, какие процессы или аргументация удерживает вас от этого предположения?”.

Чтобы решить эту дилемму, необходимо проанализировать отношения между акторами, действующими в сфере раннего предупреждения, обращая особое внимание на те концепции и представления о конфликтах, которые они используют в своей работе. Решения определяет не окружающая среда как таковая, а то, как человек ее воспринимает; предупреждения касаются не начала конфликта, а ощущения того, что конфликт начинается. Чтобы понять, почему система KOSIMO выдала 19 случаев конфликта, а система AKUF – 39, нужно рассмотреть исходные представления о межгосударственном конфликте, которые заложены в этих системах.

Этот аргумент распространяется также на предмет анализа, и именно здесь кроется ошибочная трактовка концепции обид. Если акторы, занимающиеся ранним предупреждением, имеют разное представление о конфликте и, следовательно, приходят к разным выводам, то как же ожидать, что какой-то человек, взявший в руки оружие, обладает тем же порогом чувствительности к обидам, что и все остальные, и более того, почему для каждого человека этот порог должен оставаться постоянным? Такое предположение означало бы, что мы отвергаем возможность манипуляций обидами.

Например, часто утверждалось, что, как и во многих других конфликтах, в Косово элита, действуя в своих корыстных интересах, манипулировала массовыми недовольствами для мобилизации народа на насильственные действия. Будь то пропаганда ненависти по радио или избирательный взгляд на историю, обиды, которые

каждый отдельный человек способен вытерпеть, прежде чем взяться за оружие, остаются динамичной и вечно меняющейся величиной, не имеющей зафиксированной отправной точки. Поэтому не имеет значения, обладало ли то или иное меньшинство политической автономией или оно подвергалось культурной дискриминации (т.е. присутствуют ли условия, указанные в проекте “Меньшинства в опасности”); важно то, как данное меньшинство это воспринимает.

Итак, обиды – это не эмпирическое состояние, и искать причины конфликта вне сферы восприятия все равно, что пытаться обнаружить единорога. Последнее вполне вообразимо в рамках эмпирической методологии: есть общепринятая идея единорога – это животное, похожее на уэльского пони с рогом, растущим посреди лба. Но чтобы доказать, существуют единороги или нет, потребовалось бы только эмпирически обыскать весь земной шар. Однако уровень чувствительности к недоброжелательствам у каждого человека разный, и его невозможно обнаружить эмпирически, это возможно только концептуально. Поэтому количественные системы раннего предупреждения обречены навсегда остаться лишь поиском мифического зверя.

4.2. Причины конфликта – “культ карго” в системах раннего предупреждения

Когда-то население Папуа, Яливана, Вануату и других островов в южной части Тихого океана обратили внимание, что там, где колонизаторы строили пристани и аэродромы, вскоре появлялись нагруженные товарами корабли и самолеты. Они сделали вывод, что корабли и самолеты были результатом появления этих пристаней и аэродромов, и поэтому начали строить свои собственные пристани и аэродромы в ожидании появления собственных грузов (*FitzGerald, 1999*).

Количественные системы раннего предупреждения (КСРП), пытаясь выяснить причины конфликта, ищут в наборах данных причинно-следственные связи: “когда присутствует А, как часто за А следует Б?” В конце XIX в. Джон Стюарт Милль определял причинно-следственную связь следующим образом: “временная последовательность А и Б представляют пример обобщения, при котором события, подобные А, в соответствии с нашим опытом всегда сопровождаются событиями, подобными Б” (цитируется по *Winch, 1958*. Р. 67).

КСРП действуют аналогично – ищут причинно-следственные связи, на основе которых можно было бы делать обобщения. По формулировке Б. Конрада и К. Шлихте, основная задача количественного анализа состоит в “...обособлении факторов, которые способствуют началу войны или делают войну более вероятной, ...пытаясь [таким образом] найти прямую связь между ними и началом войны” (*Conrad, Schlichte, 2000*. Р. 4). В ответ на вопрос, почему прогнозы конфликта так часто оказываются неточными, а подчас вообще отсутствуют, можно вслед за Дж.С. Миллем с уверенностью говорить, что предмет анализа имеет сложную природу. Защищая количественные методы, Милль утверждал, что, хотя жесткие и точные правила еще не найдены, это не значит, что их не существует. Он проводил сравнение с построениями, согласно которым хотя и невозможно точно предсказать любое исходное обстоятельство, тем не менее они а) не отрицают существования правил и обобщений и то обстоятельство, что б) в социальных исследованиях “...приблизительное обобщение для большинства практических целей равнозначно точному обобщению, т.е. такому, которое возможно только в том случае, если оно обеспечивается произвольным набором людей”.

Я, придерживаясь идей Уинча, полагаю, что источники конфликта, как и человеческого поведения, лежат в другой сфере. КСРП меняют порядок событий. На-

пример, предположим, что организация “Тигры освобождения Тамил Элама” продолжает мирный диалог с правительством Шри-Ланки, поскольку тамилы считают, что это позволит им обрести родину. Было бы неправильно утверждать, что стремление обрести собственную родину возникает у “Тигров” таким же образом, как бросок камня неминуемо приводит к расколу стекла или же, что к приземлению самолетов приводит факт наличия аэродрома. Суммируя сказанное, Уинч утверждает, что действия “Тигров” «...не соответствовали бы ни формуле: “присутствуют такие-то причинные факторы, следовательно, будет такой-то результат”, ни формуле: “[у нас] есть такие-то намерения, и в результате я сделаю то-то”; это будет представлять формулу: “ввиду таких-то соображений, данное действие будет разумным”». (Winch, 1958. P. 81).

Одним словом, здесь Б не следует за А, а скорее предполагает наличие А, или Б оказывается причиной, предшествовавшей А. Изменив последовательность событий, аборигены оказались в убытке: самолеты садились не потому, что были построены аэродромы, а аэродромы были построены потому, что этому предшествовало намерение принимать самолеты.

Обобщая вышесказанное по отношению к первой цели предупреждения (определение причин конфликта) можно сделать вывод, что КСРП не способны определять истоки конфликта, потому что опираются на эмпирические причинно-следственные связи. Эмпирических данных недостаточно, поскольку проблема – концептуальная в отличие от опыта с кипячением воды, где факты говорят сами за себя. Анализ конфликта состоит в том, что исследователь сам решает, где провести линию, и последствия этого решения видны в разительных отличиях между наборами данных. Кроме того, конфликт уходит корнями не в причинно-следственные связи вне сферы человеческих взаимоотношений, а в сферу восприятия человеком или группой людей соответствующей ситуации. Анализ эмпирических данных не позволяет определить эти причины, а попытки сделать это лишь изменяют порядок последовательности событий.

4.3. Прогнозирование и понимание

Учитывая эти ограничения, можно все же поставить вопрос: способны ли КСРП предложить идеи для второй цели (прогнозирование конфликта)? Как человеческое поведение, так и развитие конфликта следуют неким закономерностям. Наблюдая эти закономерности, можно делать различные прогнозы. Эти предсказания конфликта, пожалуй, можно сравнить с попытками угадать смысл того или иного слова в иностранном языке. П. Уинч утверждает, что даже в том случае, если нам неизвестна ни тема разговора, ни правила грамматики, можно статистически прогнозировать появление того или иного слова.

Этот аргумент говорит в пользу такого анализа данных по событиям, который искал бы подобные статистические прогнозы, а не причинно-следственные связи. Однако “...статистика не представляет собой окончательного и высшего апелляционного суда; ...[и], если кто-то решит интерпретировать магические ритуалы примитивного племени как слепые попытки научной деятельности, то статистика вряд ли здесь поможет предсказать, что представители данного племени будут, скорее всего, делать в разных ситуациях” (Winch, 1958. P. 113).

Здесь опять проявляется неустранимая проблема – эмпирические данные не могут исправить неверную гипотезу. Когда-то Людвиг Виттгенштейн (L. Wittgenstein) выдвинул гипотезу, что земной шар является центром вселенной, потому что он так выглядел; теперь мы знаем, что это не так, но изменились ли эмпирические данные?

Подводя итоги, следует отметить, что в развитии конфликта существуют закономерности, по которым можно составлять прогнозы о том, как события могут развиваться в будущем. Но поскольку эмпирические данные не могут исправить неверную гипотезу, количественные системы раннего предупреждения терпят вечные муки: они могут оказаться как правыми, так и неправыми, и ни то, ни другое невозможно доказать.

5. Заключение

Цель данной статьи состояла в иллюстрации широты и масштабов сферы раннего предупреждения посредством классификации систем по предмету их анализа, методологии и используемым механизмам. Была предложена также оценка эффективности систем раннего предупреждения в трех сферах: а) определение причин конфликта, б) прогноз его начала и более того, в) снижение его интенсивности. Далее были рассмотрены проблемы и препятствия, мешающие переходу от раннего предупреждения к раннему реагированию. Вслед за анализом было выдвинуто положение, что повышать точность СРП не имеет смысла, если эти проблемы не будут решены. Другими словами, точность не гарантирует того, что рекомендации будут услышаны. Для анализа первых двух целей в четвертом разделе были критически рассмотрены количественные СРП и сделан вывод, что характеристики конфликта и обиды не позволяют эмпирически просчитывать данные. Этот вывод опирается на две ключевые идеи. Во-первых, недовольство – это не одинаковая для всех людей неизменная величина, а постоянно меняющийся фактор, где у каждого человека – свой уровень сопротивляемости обидам. Вторая идея касается последовательности событий и разницы между причиной и поводом и опирается на аналогию с “культами карго”. Целью этого анализа было проиллюстрировать, что было бы недостаточно проследить, какие события предшествовали конфликту, но не потому, что конфликты имеют эмпирически сложную природу, а потому, что намерение невозможно выявить эмпирически.

За пределами статьи остался ряд тем, в числе которых оценка качественных систем раннего предупреждения и сетей. Лишь вкратце была упомянута также роль непрерывного проведения оценки развития после начала вмешательства, что имеет прямое отношение к оценке воздействия на мир и конфликт (ОВМК), рассматриваемой в других статьях данного сборника. Заслуживает также внимания вопрос о том, почему в некоторых ситуациях вмешательства не происходит. Ответить на этот вопрос помогли бы современные исследования по социальной психологии.

- Adelman H.* (ed.), 2002. *Humanitarian Intervention in Zaire/Congo, 1996–1997*. Trenton: Red Sea Press.
- Adelman H., Suhrke A.*, 1996. *Early Warning and Conflict Management // Volume 2 of The International Response to Conflict and Genocide: Lessons from the Rwanda Experience*, Copenhagen: DANIDA.
- Alker H.R., Gurr T.R., Rupesinghe K.* (eds.), 2001. *Journeys through Conflict: Narratives and Lessons*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.
- Azar E.*, 1982. *The Codebook of The Conflict and Peace Data Bank*. College Park: Center for International Development, University of Maryland.
- Birckenbach H.M.*, 1999. *Warum kein Krieg? Ein Beitrag zur Kriegsursachenanalyse // Für eine lebendige Wissenschaft des Politischen. Umweg als Methode / Eds. T. Greven, O. Jarasch. (Festschrift für Ekkehart Krippendorff)*. Frankfurt /M.: (Suhrkamp). № 199. P. 151–165.

- Blénesi É.*, 1999. Ethnic Early Warning Systems and Conflict Prevention // Global Security Fellows (Initiative. Occasional Paper. № 11.
- Brecke P.*, 2000. Risk Assessment Models and Early Warning Systems. Arbeitsgruppe: Internationale Politik (at <http://skylla.wz-berlin.de/pdf/2000/p00-302.pdf>)
- Carment D., Garner K.*, 1999. Conflict Prevention and Early Warning: Problems, Pitfalls and Avenues for Success in Canadian Foreign Policy // Principal Investigator. Winter 1999. P. 103–118.
- Chojnacki S., Eberwein W.-D.*, 2001. Scientific Necessity and Political Utility. A Comparison of Data on Violent Conflicts. Paper for the Uppsala Conference, June 8–9, 2001. Uppsala (available on the web: http://www.pcr.se/papereberwein_uu.pdf).
- Collier P., Hoeffler A.*, 2000. Greed or Grievance in Civil Wars. (Draft paper).
- Conrad B., Schlichte K.*, 2000. Quantitative Research: Four Limits and One Alternative. Paper presented at the Uppsala Conflict Data Conference, 8–9 June, 2000.
- Davis J., Gurr T.*, 1998. Preventive Measures. NY: Rowman & Littlefield.
- Fisher R.J., Keashly L.*, 1991. The Potential Complementarity of Mediation and Consultation within a Contingency Model of Third Party Intervention // Journal of Peace Research. Vol. 28: Special Issue on International Mediation. SAGE Publications.
- FitzGerald J.*, 1999. Contemporary Cargo Cults – on <http://www.coolth.com/cargo.htm>
- Gurr T.*, 1996. Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression from 1945 to 1995 // Contemporary Genocides: Causes, Cases, Consequences / Ed. A.J. Jongman. Leiden: PIOOM/University of Leiden.
- Laurance E.*, 1990. Event Data and Policy Analysis // Policy Sciences. № 23. P. 111–132.
- Levine R.M.*, 1999. Rethinking Bystander Non-intervention: Social Categorisation and the Evidence of (Witnesses at the James Bulger Murder Trial // Human Relations. № 52. P. 1133–1155.
- Lund M.*, 1996. Preventing Violent Conflict: A Strategy for Preventive Diplomacy. Washington, DC: United States Institute of Peace Press.
- Machado L., Machado S.*, 2000. Facts, Concepts, and Theories: The Shape of Psychology's Epistemic Triangle // Behaviour and Philosophy. № 28. P. 1–40.
- Mill J. S.*, 1986. A System of Logic. Glassworks.
- Paffenholz T., Reychler L.* (eds.), 2000. Peacebuilding. A Field Guide. Boulder Co: Lynne Rienner Publishers.
- Schrodt P.A., Simpson E., Gerner D.*, 2001. Monitoring Conflict Using Automated Coding of Newswire Reports: a Comparison of Five Geographical Regions Paper Presented at Uppsala Conference on Identifying Wars 8–9th June 2001.
- Schrodt P.A., Gerner D.J.*, 1998. Cluster Analysis as an Early Warning Technique for the Middle East, 1979–1996 // Risk Assessment and Crisis Early Warning Systems / Ed. J. Davies. and T.R. Gurr. N.Y: Rowman and Littlefield. P. 95–107.
- Staub E.*, 1985. The Psychology of Perpetrators and Bystanders // Political Psychology. № 61. Swiss Peace Foundation (ed.), 2001. FAST – Early Recognition of Tension and Fact Finding.
- Van de Goor L., Versteegen S.*, 1999. Conflict Prognostication. Part 1: Bridging the Gap from Early Warning to Early Response. The Hague: Netherlands Institute of Internal Relations.
- Van Tongeren P., Galama A.*, 2002. Towards Better Peacebuilding Practice: On Lessons Learned, Evaluation Practices and Aid & Conflict. Utrecht: European Center for Conflict Prevention.
- Walraven K. van* (ed.), 1998. Early Warning and Conflict Prevention. Limitations and Possibilities. The Hague: Kluwer Law International.
- Winch P.*, 1958. The Idea of a Social Science. London: Routledge.
- Wittgenstein L.*, 1976. Zettel. (G.E.M. Anscombe, Trans). University of California Press.